

АНДРЕЙ Н. СОБОЛЕВ
(Марбург, Германия)

СЛАВЯНСКИЕ PLURALIA TANTUM. ПРОБЛЕМА ДЕФЕКТНОЙ ПАРАДИГМЫ

В настоящей работе рассматриваются проблемы морфологической дефектности существительных pluralia tantum, находящие в современной лингвистической типологии различные семантические и морфологические объяснения. По мнению автора славянские существительные pluralia tantum следует дефинировать как грамматические формы множественного числа с противоречащими друг другу плюралной формой, собирательным значением и смешанной, плюралной и собирательной, синтактикой.

Ключевые слова: pluralia tantum, дефектность, плюрализация, сингуляризация, каноническая схема, реинтеграция, канон словоизменения.

Понятие морфологической дефектности, называемой также парадигматической дефектностью (нем. paradigmatische Defektivität), непосредственно связано с понятием полной словоизменительной парадигмы, т.е. матрицы, задаваемой релевантными словоизменительными категориями данного языка (например, число, падеж и одушевленность для имен существительных в славянских языках) для конкретной лексемы (и тогда мы говорим о парадигме слова) или для классов лексем (и тогда можно говорить о типе парадигмы). Приведем определение И. А. Мельчука: «*Парадигмой*₁ лексемы называется полный список всех возможных в языке L комбинаций всех граммем, характеризующих лексемы класса K(L), причем для каждой комбинации граммем [в этом списке] указывается лекса (или лексы) лексемы L, которая выражает эту комбинацию» [Мельчук 1997: 339]. Классический пример флективной парадигмы может предоставить русское субстантивное склонение, например тип м.р. с основой на парно-твердую согласную и постоянным ударением на основе (акцентный тип а), образцы *завод*, *артист*: N.Sg. *завод* ~ G.Sg. *завода* ~ D.Sg. *заводу* ... I.Pl. *заводами* ~ L.Pl. *заводах*.

Как известно, славянские языки демонстрируют также разнообразные структурные отклонения от канонических случаев словоизменения, которые могут проявляться в сильной или слабой форме, всегда оставаясь в отношениях структурного взаимодействия с каноном. Для этих языков характерны, например, различные морфологически обусловленные модификации основы (классический случай — это стандартные чередования типа серб. N.Sg. *рука* ~ G.Sg. *руке* ~ D.Sg. *руци* или рус. N.Sg. *цыплёнок* ~ N.Pl. *цыплята*; ср. нестандартные чередования вроде рус. N.Sg. *заяц* ~ G.Sg. *зайца*), но характерно и наличие случаев ограничений на реализацию этих чередований (лексикализованных, вроде рус. N.Sg. *чертенок* ~ N.Pl. *чертенята*, или охватывающих целые группы слов). Есть уникальные случаи образования форм косвенных падежей от несуществующих основ (рус. N.Sg. *господь* ~ G.Sg. *господа* ~ D.Sg. *господу*), представляющие собой реализацию слабого супплетивизма на фоне супплетивизма сильного (рус. N.Sg. *ребенок* ~ N.Pl. *дети*). Но ослабление или полное устранение супплетивизма путем фузии форм также известно славянским языкам (рус. диал. N.Sg. *йона* ~ G.Sg. *йеје* ~ D.Sg. *йей* ~ I.Sg. *йейу*), равно как и колебания в реализации перифразы, падежного синкретизма или несклоняемости.

Особым случаем сильного структурного отклонения от канона является запрет на реализацию некоторой комбинации граммем или конкретной граммемы в парадигме и, следовательно, отсутствие нужной словоформы (нужных словоформ), графически выражаемое как пустая клетка (пустые клетки, столбцы) в таблице парадигмы (ср. [Karlsson 2000: 647]). Если речь идет о невозможности выразить лишь какие-то конкретные комбинации граммем (при этом вне этих комбинаций соответствующие граммемы находят свое выражение) и если отсутствие у слова одной или нескольких форм вызвано фонологическими или морфологическими трудностями (или какими-то случайными причинами), то обычно говорят о СЛУЧАЙНОЙ дефектности (ср. [Мельчук 1997: 343–344; 1998: 198]). Незаполненной может быть как одна клетка парадигмы, так и целый ряд клеток (ср. отсутствие форм всех падежей кроме G.Pl. у русских слов *щец*, *дровец*), а затрагиваться могут как объединяемые по формальным признакам группы слов (тогда дефектность случайна, но не беспричинна), так и отдельные лексемы (в этом случае случайной дефектности трудно подыскать объяснение). Например, G.Pl. отсутствует в стандартном русском языке по морфологическим причинам у существительных *мгла*, *мзда* и *хна*, но отсутствие (или, как минимум, затрудненность образования) G.Pl. **мечт* при наличии всех

остальных форм мн.ч. и на фоне словоформ *мачт, почт, похвал, гюрз*, не находит ни морфологического, ни акцентологического объяснения.

В новейшей типологической литературе от случайной предлагается отличать СИСТЕМАТИЧЕСКУЮ дефектность, т.е. невозможность выразить граммему в целом, а не частную комбинацию грамем. Иногда семантика лексемы очевидно несовместима со значением какой-либо граммемы, как в случае отсутствия всех лиц и чисел кроме 3Sg. у безличных глаголов, обозначающих явления природы (рус. *вечереть*). Но иногда ситуация существенно более сложна, например, положение дел с не имеющими форм единственного числа существительными (т. наз. pluralia tantum). Прежде всего бросается в глаза тот факт, что в языках мира pluralia tantum часто представлены в ограниченном числе лексико-семантических групп (это, например, обозначения одежды, инструментов, средств передвижения, совокупностей чего-л., веществ, материалов, отрезков времени, праздников и др.). Как утверждает в авторитетном справочнике «Morphologie: Ein internationales Handbuch zur Flexion und Wortbildung» (2000): «In principle, all properties are susceptible to defectivity, but certain types are particularly frequent within individual languages and cross-linguistically. Often, most of the lexical items which exhibit a given type of defectivity (e.g. nouns without singular forms) fall into a fairly small number of semantic categories. Typically, their lexical meaning conflict with the morphosyntactic property in question...» [Karlsson 2000: 647, 648–649].¹ Аналогичным образом на обусловленность парадигматической дефектности семантикой указывает и Г. Корбетт: «The noun *scissors* is not a haphazard exception. It is an example of what Quirk et al. call 'summation plurals', which 'denote tools, instruments, and articles of dress consisting of two equal parts which are joined together'» [Corbett 2000: 175]. И русская Академическая грамматика, в полном согласии с лингвистической традицией, также обращает внимание на принадлежность pluralia tantum к определенным лексико-семантическим группам и открывает их список названиями предметов: «обычно состоящих из двух или нескольких частей, а также содержащих две или более одинаковые части (сложные предметы): *брюки, весы, вилы, ворота, грабли, гусли, дровни, дрожки, кальсоны, кандалы, качели, клещи, козлы, куранты, кусачки, латы, мостки, нары, ножницы, ножны, носилки, очки, панталоны, перила, плавки, плоскогубцы, подмостки, полаты, помочи, путы, пальцы, рейтузы, розвальни, салазки, сани, соты, счеты, тиски, трусики, узы, хоромы, часы,*

1 Курсив — А. С.

четки, шаровары, шахматы, шорты, штаны, щипцы» [РГ 1980: 473]. Но действительно ли факт широкой распространенности в языках мира именно данных лексико-семантических групп *pluralia tantum* указывает в направлении семантической мотивированности данного случая дефектности? Является ли это частным случаем более общего правила: «Category-based defectivity is not random»? Действительно ли здесь действуют какие-то общие закономерности, отсылка к которым позволяла бы в грамматическом описании отказаться от простого перечисления отсутствующих форм?

Однозначно положительный ответ на этот вопрос дает А. Вежбицка, восстающая против, как она считает, «Блумфельдовской догмы» о семантической немотивированности формальных классов слов. Основной ее тезис заключается, напротив, в том, что «form classes are semantically motivated, and that differences in grammatical behaviour reflect iconically differences in meaning» [Wierzbicka 1985: 313]. Иконичность² данного сектора грамматики «доказывается» Вежбицкой с помощью аргументов вроде того, что горошины или макароны во внеязыковой действительности значительно превосходят своим размером зернышки риса или частички муки, а посему и английские лексемы *peas* и *noodles* множественного числа, а *rice* и *flour* — единственного; привлекаются и аргументы вроде того, что оливки и редиска поедаются обычно единично, головками, чего не имеет места в случае с чесноком, и именно поэтому английские лексемы *radishes*, *olives* противостоят своими числовыми формами лексеме *garlic*. Тот факт, что концептуализация различных веществ часто индивидуальна в языках мира, не останавливает автора от утверждения, что им обнаружены общие закономерности: «...the general iconic principle is clear: other things being equal, stuffs consisting of bigger, more conspicuous individual entities are more likely to be viewed as 'multiplicities' and designated by plural nouns than stuffs consisting of smaller, less conspicuous entities» [Wierzbicka 1985: 313–314]. Более того, согласно этой концепции, помимо размера и навыков обращения с предметами реального мира грамматика иконически отображает также делимость, считаемость и интерес, проявляемый людьми к этим предметам.³

² Критику понятия иконичности см., например, в докладе Haspelmath M. *Against iconicity and markedness*: <http://email.eva.mpg.de/~haspelmt/IconicityMarkedness.pdf>

³ Например: «Individual particles of rice or sand are of no special interest to people» [Wierzbicka 1985: 326].

Иконичность грамматической формы и значения в случае *pluralia tantum*, обозначающих парные предметы (англ. *scissors, trousers, pants* or *goggles*), кажется А. Вежбицкой на этом фоне «особенно очевидной»: «The nouns included in this class designate objects which have two identical parts fulfilling the same function within the whole. These parts are partly separated from one another so that they can be almost thought of as separate parts; since, however, the two semi-separate parts are joined together, and since their being joined is essential to the function performed by the dual object (separated, the two parts of a pair of scissors or a pair of trousers are pretty useless), the two semi-separate parts are not really thought of as two separate objects» [Wierzbicka 1985: 322, также 323–324]. Именно поэтому числовая координация с глаголом, «отражая внутреннюю сложность объекта», выраженного таким существительным, последовательно имеет место во мн.ч. (англ. *The trousers were/*was torn*), а «соответствующая форма ед.ч. не существует» (англ. **One trouser was torn*), и даже более того — строжайше запрещена (англ. **a trouser, *a scissor*).

Итак, с одной стороны, в лингвистике вообще очень распространено мнение, что потенциальные сингулятивные формы для подавляющего большинства слов *pluralia tantum* полностью невозможны, аграмматичны и не существуют (в отличие потенциальных форм, которые фактически никогда не встречаются, но при необходимости все же могут быть образованы по общим правилам словоизменения данного языка).⁴ Аграмматичность образований типа **scissor, *measle, *Netherland* и т.д. традиционно приводится в качестве характеристики прототипических случаев *pluralia tantum* для большого числа языков [Karlsson 2000: 649], а запрет на образование подобных сингулятивных форм должен вытекать, таким образом, из системных требований семантического порядка. В славистике, например, аргументируют следующим образом: поскольку посредством *pluralia tantum* предметы представляются или «1) как недискретные и поэтому несчетные (*щи, помои*) или 2) как, хотя и дискретные вещи, но мыслимые как целостные множества и поэтому 'внутренне' недискретные... (*сани, ножницы, каникулы, хлопоты*)», постольку форма ед.ч. здесь «не нужна» [Mečkovska 1982: 31, 32]. В англистике утверждают, что такие существительные «have no meaningful singular form» [Bowden et al. 1997: 343].

⁴ Например: у некоторых прилагательных «краткие формы практически никогда не употребляются; ср., например, *пограничный, оловянный, сосновый*. Однако эти краткие формы потенциально существуют» [Зализняк 1977: 6].

Но с другой стороны, очевидно, что в случае *pluralia tantum*, обозначающих исчисляемые предметы (фр. *ciseaux, lunettes*; рус. *ножницы, очки*), «единственное число семантически допустимо, и иногда оно даже образуется при помощи лексических средств (*une paire de ciseaux <de lunettes> 'пара ножниц <очков>'*)» [Мельчук 1997: 343; Corbett 2000: 174; ср. также: Wierzbicka 1985: 322–323]. Запрет на образование сингулятивных форм должен вытекать, таким образом, из формально-грамматических (морфонологических или акцентуационных) системных требований. Проблема, однако, заключается в том, что таких формальных требований в природе не существует, по крайней мере для славянских языков и, в частности, для русского. Так чем же в действительности обусловлена «невозможность построить соответствующие формы»: формально, как следует, например, из концепции И. А. Мельчука, или семантически, как утверждает А. Вежбицка? Однако прежде чем ставить этот вопрос, необходимо определить, существует ли вообще столь единодушно декларируемый системно обусловленный запрет на реализацию граммема ед.ч. при т. наз. существительных *pluralia tantum*.

Предваряя дальнейший ход изложения, заметим, что в самом общем плане следует воздерживаться от попыток каждый случай парадигматической дефектности в конкретном языке объяснять семантическими причинами. Сопоставление языков сходного строя показывает ожидаемым образом, что аналогичные клетки парадигмы могут быть пустыми в одном языке и заполненными в другом. Примером пусть послужит личное возвратное местоимение, указывающее на кореферентность агенса, пациенса и адресата действия в предложении, обладающее формой N.Sg. в албанском и греческом языке (например, алб. *I dhimset vetja*. 'Ему/ей жалко себя'), в то время как в славянских языках парадигма аналогичного местоимения очевидным образом дефектна по формальным причинам:

	Славянские языки		Албанский язык	Греческий язык
	Старославянский	Русский		
Падеж субъекта			<i>vetja</i>	<i>ο εαυτός (μου)</i>
Падеж прямого объекта	себе, сѧ	<i>себя</i>	<i>veten</i>	<i>τον εαυτόν (μου)</i>
Падеж адресата	себѣ, си	<i>себе</i>	<i>vetes</i>	<i>του εαυτού (μου)</i>

Если вернуться к нашей главной теме, то межъязыковое сопоставление убедительно демонстрирует, в частности, что не всякий

сложный или двусоставный предмет обозначается именем существительным pluralia tantum, как в близкородственных языках (рус. *часы*, но *хронометр*; серб. *сат*, *часовник*), так и в неблизкородственных. Особенно показательны немецкие соответствия классическим русским pluralia tantum, приведенным выше, а именно: *Hose, Waage, Heugabel, Pforte, Rechen, Holzschlitten, Zange, Gestell, Glockenspiel, Beißzange, Panzer (Harnisch), Brettersteg, Pritsche, Schere, Scheide, Tragbahre, Brille, Geländer, Flachzange, Gerüst, Hängepritsche, Hosenträger, Strickrahmen, Reithose, Schlitten, Honigwabe, Rechenbrett, Zwinge, Uhr, Rosenkranz* и *Schach*, т.е. все формы ед.ч. за исключением *Fesseln* и *Gemäher*. Оставим в стороне рассуждения на тему, толкует ли русский *ножницы* или *сани* более «расчлененно», чем немец или болгарин, имеющий в своем языке формы ед.ч. *ножица*, *сан*. Важно, что межъязыковое сопоставление указывает в направлении того, что «pluralia tantum в каждом языке условны и случайны» [Норман, Супрунчук 2000: 59, 60], вплоть до того, что эта категория может полностью отсутствовать в конкретном языке (как это имеет место в татарском).⁵ Но, может быть, системный запрет является в данном случае не универсальным, а индивидуальным для каждого отдельного языка?

Так, в русистике А. А. Зализняком в 1960-е гг. был выдвинут (а в 2000-е без каких-бы то ни было модификаций повторен) оригинальный тезис о категории числа русских pluralia tantum типа *сутки, часы, ножницы*:

«У этих существительных имеются только такие формы, которые с чисто морфологической точки зрения должны быть отнесены к мн. числу, но эти формы могут обозначать не только много соответствующих предметов (например, *многие сутки, часы, ножницы*), но и один предмет (например, *одни сутки, часы, ножницы*). Таким образом, принципиально допустимо усматривать здесь омонимию чисел, например: *сутки* (мн.) и *сутки* (ед.)» [Зализняк 2003: 6].⁶

⁵ «Интересно отметить, что в татарском языке отсутствуют *pluralia tantum*, которые в изобилии встречаются во французском и испанском: слова типа фр. *ciseaux*, исп. *tijeras* 'ножницы'; фр. *lunettes*, исп. *gafas* 'очки', фр. *vacances*, исп. *vacaciones* 'каникулы' татарскому языку полностью чужды, ср. ед.ч. *kajçı* 'одна пара ножниц' ~ мн.ч. *kajčılar* 'несколько пар ножниц', ед.ч. *küzlek* 'одна пара очков' ~ мн.ч. *küzleklär* 'несколько пар очков', ед.ч. *kanikul* 'одна каникулярный период' ~ мн.ч. *kanikular* 'несколько каникулярных периодов'.» [Мельчук 1998: 11].

⁶ «При установлении межъязыковых соответствий мы получим... типичную картину омонимии: *table — стол, tables — столы; sledge — сани, sledges — сани*» [Зализняк 1967: 59, сноска 41].

«Таким образом, слова типа *сани* имеют только словоформы с внешними признаками мн. числа, но каждая из этих словоформ имеет не только значение мн. числа, но и значение ед. числа. Именно поэтому словоформы типа **ножница*, **ворото* не встречаются никогда (в отличие от словоформ типа *лаи*, *меди*); в самом деле, значения, для передачи которых эти словоформы могли бы быть построены, уже передаются в языке словоформами типа *ножницы*, *сани*» [Зализняк 1967: 58].

В соответствии с этой точкой зрения, парадигма таких русских *pluralia tantum* не является дефектной, а речь должна идти об омонимии форм ед.ч. и мн.ч., по типу *сани* (ед. число) и *сани* (мн. число). Таким образом, А. А. Зализняк на чисто семантическом основании считает допустимым приписать стандартной граммеме мн.ч. русского языка ('множественное число' [более одного объекта]) стандартное значение граммемы ед.ч. ('единственное число' [один объект]). Есть ли формальные основания, поддерживающие такое решение? Для проверки данного тезиса обратимся к типологически обоснованной модели иерархии согласования/координации (The Agreement Hierarchy),⁷ разрабатываемой Г. Корбеттом:

«The Agreement Hierarchy

attributive < predicate < relative pronoun < personal pronoun

These four positions make up the Agreement Hierarchy. Possible agreement patterns are constrained as follows:

As we move rightwards along the hierarchy, the likelihood of semantic agreement will increase monotonically (that is, with no intervening decrease)» [Corbett 1991: 226].

Прежде всего, обратим внимание на то, что некоторые языки, и в частности, германские, действительно демонстрируют омонимию⁸ форм ед.ч. и мн.ч., находящую свое синтаксическое разрешение на шкале иерархии согласования (такие случаи могут быть лексикализованы, как в английском примере (см. также [Corbett 2000: 175]), или охватывать лексико-семантические классы слов, как названия праздников в немецком примере):

англ. (ед.ч.) *When a sheep bleats what human can resist?*

(мн.ч.) *It frustrates me when sheep bleat...*

⁷ Далее: *иерархия согласования*.

⁸ Ср. типичную картину омонимии в парах *sheep* — *овца*, *sheep* — *овцы*.

- нем. (ед.ч.) *Das erste **Weihnachten** war auch alles andere als perfekt.*
(мн.ч.) *Die **ersten Weihnachten** in den Nachkriegsjahren waren alles andere als problemlos.*

Но для русского языка (ни в его кодифицированной форме, ни в некодифицированных) примеры подобного рода приведены быть не могут, а согласование и координация существительных pluralia tantum всегда будут последовательно осуществляться во мн.ч. по типу *Впереди стояли **легкие сани**, в которые был запряжен... Они были загружены с верхом.* Поскольку же типологическая иерархия согласования не подразумевает случаев тотального расхождения семантического и формального согласования на протяжении всей шкалы (таким образом, словоформе, последовательно согласующейся только в одном числе, мы с необходимостью должны приписать значение именно этого числа), постольку мы вынуждены либо признать за граммемами мн.ч. русских pluralia tantum значение именно мн.ч., либо признать типологическую уникальность стандартного русского языка. Нам ближе традиционная для славистики точка зрения (см., например [Дегтярев 1982: 76]), согласно которой конкретно-предметные имена pluralia tantum имеют только одно ГРАММАТИЧЕСКОЕ значение — значение мн.ч., будучи классом слов с дефектной парадигмой, в которой не реализуется граммама ед.ч.

Однако достаточно ли также семантических оснований, поддерживающих решение А. А. Зализняка? Попытки верификации тезиса о реализации в форме мн.ч. значения ед.ч., «поскольку эти формы могут обозначать один предмет», приводят нас к тому подчеркивавшемуся еще в 1888 г. А. А. Потебней принципиально важному факту, что мн.ч. имен существительных и местоимений в определенных случаях «является не значением (обозначаемым), а знаком, средством обозначения других явлений, отличных от простой множественности, которая является только исходною, а не конечною точкою мысли» (цит. по [Дегтярев 1982: 65–66]). В конкретном случае pluralia tantum, как показано еще в работе М. Брауна [Braun 1930] и подтверждено грамматическими и семантическими изысканиями от А. А. Шахматова (1941: 441) и В. В. Виноградова (1947: 164) до уже обсуждавшейся выше работы А. Вежбицкой, речь должна идти не о стандартной единичности, а скорее о значении, осциллирующем на шкале от стандартной единичности до стандартной СОБИРАТЕЛЬНОСТИ,⁹

⁹ И здесь удобно прибегнуть к типологическому определению И. А. Мельчука: «Категорией *собирательности* называется такая категория, элементы которой

основывающейся на собирательном значении мн.ч. (от множества однородных, одноименных предметов до их совокупности, как прототипа собирательности). И хотя собирательное значение при этом совершенно очевидным образом в разной степени реализуется (или исторически реализовывалось) в лексемах типа рус. *сани*, с одной стороны, и рус. *ножницы*, с другой, все же у нас есть достаточные основания для того, чтобы охарактеризовать флексию мн.ч. существительных *pluralia tantum* в целом как изосемную и изофункциональную типичным славянским суффиксам собирательности, усматривать на этом основании ее словообразовательный характер и считать средством номинации; сами же формы мн.ч. считать лексикализованными и утратившими корреляцию с формами ед.ч. (см. об этом, например [Дегтярев 1982]). Изосемность и изофункциональность флексии мн.ч. и суффиксов собирательности в славянских языках на всем протяжении их истории, равно как и переход соответствующих словообразовательных граммем в словоизменяемые и наоборот — факты, широко известные в славянском языкознании. Например, типичные славянские собирательные существительные на *-je* в западно- и южномакедонских говорах регулярно согласуются и координируются во мн.ч. (*Гробјето есе расипани*; см. также МДАБЯ 2005, карты 18, 19, 22), и таким образом исторический суффикс собирательности является здесь современной граммемой мн.ч. Переосмысленные *collectiva*, а ныне формы мн.ч. в русском языке — это *господа, мужья, деревья, кольца* и др. [Шахматов 1941: 440]. Отметим, что отношения категорий собирательности и грамматического числа еще недостаточно исследованы в русских диалектах, для которых также отмечены примеры согласования и координации собирательных существительных во мн.ч.: *Черное / черные вороньё слетелось / слетелись*.

Таким образом, славянские *pluralia tantum* типа рус. *ножницы* мы, вслед за славистической традицией, считаем грамматическими формами мн.ч. с собирательным значением. У этого решения есть и очевидное — и давно отмеченное в литературе (см., например [Isačep-

задают либо «квант» некоторой совокупности, либо совокупность, состоящую из отдельных квантов. Эта категория включает две грамлемы: 'сингулятив' ['один элемент из ...'] ~ 'собирательность' ['совокупность ...'], первая из которых применяется обычно только к неисчисляемому существительному, а вторая — только к исчисляемому. При этом, насколько нам известно, не существует языков, в которых обе эти грамлемы могли бы быть выражены при одной и той же лексеме; таким образом, строго говоря, речь должна идти о двух подкатегориях: сингулятивность... собирательность...» [Мельчук 1998: 97–98].

ко 1975: 77]) — формальное подкрепление, состоящее в сочетаемости таких лексем в количественных конструкциях с собирательными, а не с количественными числительными в славянских языках (рус. *трое саней*, хорв. *četvera kola*). Отметим, что для славянского языкового типа вообще характерно употребление собирательных числительных при указании на «eine Mehrheit von Dingen, die als ein Ganzes angesehen werden» [Miklosich 1926: 59], а, в частности, — и с собирательными существительными (ст.-сл. **примѣ десятиро братиѣ прославоѣмоу дѣка аделѣоуѣ**; хорв. *dvoje djece, troje teladi*) [Večerka 1993: 348]. Следует обратить внимание на то, что в системе славянских собирательных числительных «das entsprechende Numerale für die Einzahl ist *jedinъ* im Plur.» [Miklosich 1926: 60], т.е. специализированная лексема собирательного числительного ед.ч. в силу дефектности деривационной модели не образуется и поэтому при pluralia tantum закономерно мн.ч. (рус. *одни сани*, хорв. *jedna kola* N.Pl.Neutr.) и, соответственно, ед.ч. при собирательных существительных (серб. *jedna braћа* N.Sg.Fem.).

Как видно, дефиниция pluralia tantum как грамматических форм мн.ч. с собирательным значением и частично (в количественных конструкциях) собирательной синтактикой не стремится непротиворечивыми формулировками устранить аномальность данного класса слов, а наоборот, подчеркивает заложенное в нем противоречие между семантикой и формой: множественное число отнюдь не специализировано в славянских языках для выражения категории собирательности и не характеризуется обязательной синтаксической связью с собирательными числительными, в то время как стандартные субстантивные средства выражения этой категории в славянских языках по определению имеют форму единственного числа (рус. *тряпьё, дубьё, офицерьё, листва, братва, волосня, ребятня, студенчество, молодежь* и т.п.). Другое дело, что язык располагает механизмами для грамматической РЕИНТЕГРАЦИИ дефектной лексики в систему, т.е. механизмами устранения парадигматической дефектности: синтаксическими (они рассмотрены в рамках вопроса об иерархии согласования выше и не применяются славянскими языками к существительным pluralia tantum) и морфологическими. Отметим полноты ради возможность устранить дефектность нерегулярными морфологическими средствами, например, таким как *супплетивизм*, но не будем задерживаться на явно неэкономных для больших массивов лексики способах. Более перспективно рассмотрение способов регулярных, таких как ПЛЮРАЛИЗАЦИЯ и СИНГУЛЯРИЗАЦИЯ.

В первом случае обратимся к данным лезгинского языка, где «*Pluralia tantum* are... a potential source for 'double plurals' (§6.3.6); if they are potentially countable, their plural form may be used as a singular, and a new plural suffix added; this appears to have happened in the Nakh-Daghestanian language Lezgian,¹⁰ where there are nouns like *gurar* 'stairs' and *purar* 'saddle', with the plural suffix *-ar*, but which now behave like normal count nouns and have the plurals *gurar-ar* 'staircases' and *purar-ar* 'saddles'» [Corbett 2000: 176]. Механизмы данного типа не характерны для славянских языков, ни в одном из них невозможно образование вторичных множественных форм от форм мн.ч. путем присоединения еще одной графемы мн.ч. (нет ни типа **сани-и*, **ворота-а*, ни типа **сани-и*, **ворота-и*).

Во втором случае — при сингуляризации — формы мн.ч. *pluralia tantum* либо сосуществуют с исторически исходными, первичными формами ед.ч., либо являются источником для вторичных сингулятивов, образованных регулярным способом обратной деривации.¹¹ Именно это, вопреки широко распространенному мнению, и имеет место в славянских языках и, в частности, в русском. В славистике давно уже известно, что многие, если не большинство современных *pluralia tantum* в исторической перспективе суть дериваты регулярных форм ед.ч. праславянских существительных (прасл. **goslb*, **grablja*, **jaslb*, **kolo*, **tblo*, **vidla* и мн. др.), но в литературе господствует своеобразный телеологический подход к истории конкретных славянских языков, якобы стремящихся в ходе многовекового развития оформить этот класс существительных именно как *pluralia tantum*, а не иначе, причем отклонения от такого однонаправленного развития приписываются лишь древнейшему, праславянскому состоянию или состояниям, хронологически близким к нему, например, старославянскому или древнесербскому (см. особенно [Дегтярев 1982: 68, 71]).¹²

¹⁰ Haspelmath M. A grammar of Lezgian. Berlin, 1993. P. 81–82.

¹¹ Правилам формирования вторичных сингулятивов в русском языке мы надеемся посвятить следующую статью настоящей серии, в которой помимо прочего будет рассмотрен вопрос о родовой принадлежности русских *pluralia tantum*.

¹² «Наряду с обычным мн.ч. *оуста* в славяно-сербском источнике — Вукановом ев. отмечено ед.ч. *оусто* — во фразе: *језикъ оусто несть имь* (л. 158а. 15–18). Это свидетельствует о живой связи имен *pluralia tantum* и соответствующих первообразных форм ед.ч. в древних языках и показывает, что значение количественности, исконное для категории числа, в древнем строе славянских языков ощущалось как важнейшее значение числа» [Дегтярев 1982: 68].

Известно и то, что рефлексы таких праславянских лексем в современных славянских языках совершенно не обязательно оформлены как параллельные pluralia tantum (ср. словен. *jaslo* и рус. *ясли*; далее белорус. *дрожджа* и рус. *дрожжи*), но даже знание этих фактов не удерживает славистов от неверных обобщений, что для класса pluralia tantum свойственна «специфическая полисемия: определенное лексическое значение оказывается возможным только в форме мн.ч.» [Mečkovska 1982: 27]. Если же отвлечься от строго нормированных систем современных стандартных славянских языков в том виде, в котором они представлены в грамматиках, словарях и справочниках XX века, и обратиться к не кодифицированным современными лингвистами формам, то нетрудно обнаружить, например, что в конкретных славянских языках на всем протяжении их истории лексическое значение «название предмета, состоящего из двух или нескольких частей, а также содержащего две или более одинаковые части (сложный предмет)» (на основании которого и выделяется прототипическая группа pluralia tantum) могло и может выражаться лексемой в форме ед.ч., формально соотносимой с лексемой plurale tantum стандартного языка как регулярная форма ед.ч.

В подтверждение этого тезиса обратимся к материалу русского языка и начнем с такого очевидного несоответствия ныне действующей русской норме (в том виде, как она представлена в новейших словарях и грамматиках), как употребление лексемы *вила* в значении «сельскохозяйственное орудие — несколько длинных металлических зубьев на деревянной рукояти» (см. [Ожегов, Шведова 1999] и другие нормативные словари) в языке Крылова, Лескова и Маяковского:

Вот новый Геркулес, со всей собравшись силой, Что только было в нем, Отнес полчерепу медведю топором И брюхо проколол ему железной вилой. (Крылов)

... и он раз пошел весной на двор, вилой навоз ковырять. (Лесков)

В е с т о в ы е (недовольно) Взяли бы по виле, сами бы ловили.

К л е м а н с о Молчать! (Маяковский)

Такое употребление, однако, вполне отражает старую русскую литературную норму, зафиксированную Я. К. Гротом в незавершенном издании «Словарь русского языка, составленный Вторым отделением императорской академии наук», где находим: *вила*, *ы, ж.*; более употреб. *мн.* *вилы*, *вил* [СРЯ 1895: 419].

Значительное количество (не менее полутора десятков¹³) аналогичных примеров обнаруживаем в исторических словарях русского языка, от древнерусского периода до XVIII века (далее представлены лишь лексемы, значение которых полностью идентично значению современных стандартноязыковых *pluralia tantum*, список которых приведен выше; исключены также заведомые южнославянизмы):¹⁴

вѣсь, *м.* Весы. Да в анбаре болшом над погребом... вѣски мѣденые болшие, вѣсь важенной с чепми и з досками, другой вѣсь без чепей и один вес отдан на гостин немецкой двор. Кн. пер. Псков. печ. м., 175. 1639 г. [СРЯ XI–XVII 2: 110–111];

гусль, *ж.* Радуйся... гусль богодвижимая. Ж. Пр. Уст.², 135. XVI–XVII вв. ~ 1554 г. [СРЯ XI–XVII 4: 161]; гусль, *и, ж.* [СРЯ XVIII 6: 16]; гүсль = гжсль; употребл. большею частью во множ. ч.: гүсли [Срезневский 1958 1: 610];

козель (козьль), *м.* То же, что козлы (в значении «Подставка на ножках в распорку различного назначения») [СРЯ XI–XVII 7: 225]. Бити его [холопа] передь холопимъ приказомъ кнутомъ на козлѣ нещадно. Ул. Ал., 267 об. 1649 г. [СРЯ XI–XVII 7: 223];

курант 1702, *а и у, м.* (редко) [СРЯ XVIII 11: 82];

лата, *ж.* Латы. Дано ему ружье: карабинъ да пистоль, а лата дана съ рейтаромъ съ Тевлеемъ Баймаметовымъ. Пенз. дес., 329. 1680 г. [СРЯ XI–XVII 8: 178, 180]; лата, *ы, ж.* (редко) [СРЯ XVIII 11: 127];

нара, *ы, ж.* [СРЯ XVIII 14: 30];

панталон, *ед.* в «Полный французский и российский лексикон» 1786 г., II, 218 [Черных 1993 I: 621];

¹³ Поскольку ни один из полных исторических и диалектных словарей русского языка не завершен, постольку количественный аспект дела рассматривать пока преждевременно.

¹⁴ Таким образом, в списке не приводятся лексемы вроде др.-рус. *шахмать*; «Со знач. 'клетка' это слово употреблялось и в форме м.р. шахмат (ед.): пятнатцат шахматов, а в шахмате, в одном шестнатцат зерен» (о жемчугах), пример 1628 г. [Черных 1993 2: 406]. Аналогичным образом в следующий список не включены и соответствующие диалектные лексемы: вила, *-ы, ж.* Одна часть деревянной рогатины. Россоху отломил, одну вилу. [ПОС 4: 96]; кандала, *ы, ж.* Доска, палка, которая вешается на шею животного, чтобы помешать ему быстро передвигаться. Иркут. [СРНГ 13: 38]; очко, *а, ср.* Одно стеклышко очков. Очко утеряла. Арх. [СРНГ 25: 70].

- перило, *с.* Невысокая ограда (обычно по краю лестницы, моста и т.п.);¹⁵ перила. И рундукъ съ периломъ на башню ходити подь верхними дверьми здѣлали. Арх. Стр. II 886. 1634 г. [СРЯ XI–XVII 14: 307];
- помочь, *ж.* (редко) Ремни, тесьма для подвески, прикрепления чего-л. 2 котла ѣстовныхъ, котель квасной всѣ з дугами, противень с помоч<ь>ю. А. Кир.-Б.м., отд.1, Г № 104. 1656 г. [СРЯ XI–XVII 17: 32];
- путо, *с.* [СРЯ XI–XVII 21: 64]; пѣто = пѣто (употребл. большею частью в двойств. или множ.ч.: пѣты, пѣта) — вязи, узы [Срезневский 1958 2: 1735];
- сотъ (сѣтъ), *м.* собир.; тж. соты, мн. Яже акы бѣчела любодѣльна съ всякого цвѣта... събравъ акы въ единь сѣтъ. Изб. Св. 1073 г.², 202. Очца сота — трубочки сота медвенного. Алф.¹. 159 об. XVII в. [СРЯ XI–XVII 26: 232];
- ѣза — оковы (употр. большею частью во множ.) [Срезневский 1958 3: 1168];
- хоромъ — домъ, строенье [Срезневский 1958 3: 1387; Черных 1993 II: 352];
- щипецъ [Срезневский 1958: 1609]; ср. у Р. Джемса (РАС, 1618–1619 гг.): schepets — «a little pair of pinsars» [Черных 1993 II: 436].

Совершенно обычны аналогичные формы в современных русских диалектах:

- вес, -а (-у), *м.* Весы. Это вес, старинной вес. [АОС 3: 150]; вес, а, *м.* Безмен. (Вят., Киров.) Весы старинные. Это вес, на колбу груз вешаем, а на скалку — гирю. Киров. [СРНГ 4: 179];
- вила, *ы*, *ж.* Вилы. Вила с трем рогам, дак трое — рожка. Свердл. [СРНГ 4: 279]; вила см. вилы [ПОС 4: 14]; виль, *ж.*? То же, что вилы 1. Виль так и зовут, виль для сена. [ПОС 4: 17];
- ворот, -а (-у), *м.* 1. Проход в изгороди, калитка. Ср. ворота в 3 и 4 знач. Йесьли ворот закладен в пожню, так росклади. А нынѣ фсѣ розвалилось, не заботица, идѣт, ворот полой оставит, да терпеть не можно. 2. Входная дверь в жилой дом, какое-н. строение. Ворот старой да худой — не можѣт нового зъделать. [АОС 5: 101];
- грабля, *и*, *ж.* То же, что грабли. Фся — урабля, вот калодачка, ета зубы, ета урабавильна. [ПОС 7: 168]; грабля, *и*, *ж.* Грабли. Екатериносл., 1857. Арх. [СРНГ 7: 104];

¹⁵ Ср. значение рус. *перила* «ограждение по краю лестницы, балкона, моста».

- грабель, и, *ж.* То же, что грабли. Два рубля аддале за тую грабель, старые грабли сламались. [ПОС 7: 163];
- грабель, бля, *м.* Ручные или конные грабли. Возьми грабель да сено сгребай. Гурьев., Зап.-Казах., Самар. [СРНГ 7: 104];
- гусель, *ж.* Разговорник Т. Фенне, 57, 1607 г. [ПОС 8: 93];
- гуся, *ж.* То же, что гусли. Жёнка не гуся, на стѣну не повесить. [Пословица]. Разговорник Т. Фенне, 467, 1607 г. [ПОС 8: 94];
- кляща, и, *ж.* Кляшня (рака). [СРНГ 13: 292];
- козёл, зла, *м.* Козлы для пилки дров. Пск., Твер., Калин., КАССР, Том. [СРНГ 14: 59];
- кусачка, и, *ж.* Щипцы для выдергивания гвоздей. Вят. [СРНГ 16: 156];
- лат, а, *м.* То же, что 3. Лата. Ермак и ударил себя в грудь, индо стальной лат на нем затрещал и лопнул. [СРНГ 16: 285];
- лата, ы, *ж.* Металлическая броня, защищающая грудь и спину воина; латы. Не ради красы-басы молодецкие, Ради крепости богатырские Одевал он лату богатырскую. Онеж. [СРНГ 16: 285];
- ножня, и, *ж.* Ножны для охотничьего ножа на ремне. На ремне напорня и топор, ножня повешена, в ножне нож. Арх. [СРНГ 21: 271];
- носилка, и, *ж.* Приспособление для переноски тяжестей; носилки. Возьми носилку, у ней колышки вязки; ну колышки еще рогами называют. Урал. [СРНГ 21: 287];
- носилок, лка, *м.* Ящик для переноски инструментов. В носилок сложишь все, что плотнику надо. [СРНГ 21: 287];
- подмосток, *м.* Мостки у берега. Мы с подмостка белье полощем, а ребятишки ныряют с него. Моск. [СРНГ 28: 86];
- полат, *м.* Полати (для спанья). Раньше доски на печку накладут — это и был полат. Там дети спали. Амур. [СРНГ 29: 36];
- полать, *ж.* Полати для сна. Твер. Сейчас рассыпали какой лук для еды на полать. Краснояр. [СРНГ 29: 38];
- путо, *ср.* (повсеместно) Свил новое толстое путо. [СРНГ 33: 155];
- пяльце, *ср.* Пяльце держит холст. [СРНГ 33: 215].

Итак, для диасистемы русского национального языка на всем протяжении его истории характерно не только функционирование флексии мн.ч. как уникального словообразовательного форманта, используемого для обозначения парных и сложных предметов, что приводит к формированию класса имен *pluralia tantum* с очевидным

конфликтом собирательной семантики, плюральной формы и частично собирательной, частично плюральной синтактики, но и обозначение тех же предметов (наряду с обозначением частей этих предметов) формами ед.ч. тех же самых лексем, уже лишенными собирательного значения и полностью и непротиворечиво интегрированными в систему словоизменения. Тенденция к формированию морфологически дефектного типа *pluralia tantum* очевидным образом сосуществует в русском языке с тенденцией к недопущению этой дефектности путем поддержки постоянной структурной (формальной и семантической) связи с каноном словоизменения, правда, за счет увеличения тем самым числа языковых омонимов в гипотетической частной системе, обладающей полным инвентарем возможных форм, ср:

		Неколичественная синтактика		
		Sg.	Pl.	
Количественная синтактика	Количественное числительное	<i>одна вила</i> <i>острая вила</i> <i>вила</i> 'одна часть предмета вилы'	<i>пять вил</i> <i>острые вилы</i> <i>вилы</i> 'несколько частей предмета или предметов вилы'	
		<i>одна вила</i> <i>острая вила</i> <i>вила</i> 'вилы; один предмет'	<i>пять вил</i> <i>острые вилы</i> <i>вилы</i> 'вилы; несколько предметов'	
			<i>одни</i> ¹⁶ <i>вилы</i> <i>острые вилы</i> <i>вилы</i> 'вилы; один сложный предмет'	
	Собирательное числительное		<i>пятеро вил</i> или <i>пятеры вилы</i> <i>острые вилы</i> <i>вилы</i> 'вилы; несколько сложных предметов'	
		Sg.	Coll.	Pl.
Количественная семантика				

¹⁶ Напомним, что славянские собирательные числительные не включают в свой состав числительного ед.ч.

Таким образом, ни формальных, ни семантических системно обусловленных принципиальных запретов на построение словоформ с граммемой ед.ч. при т. наз. существительных *pluralia tantum* в славянских языках и, в частности, в русском, не существует. Вполне допустимыми представляются даже частные славянские системы, в которых модель *pluralia tantum* была бы посредством сингуляризации сведена к минимуму или устранена полностью (например, под немецким или тюркским влиянием).¹⁷

Устранение из системы целых ее фрагментов путем запрета на образование таких форм имеет место лишь в искусственно сконструированной норме стандартной разновидности этнического языка и не релевантно для его некодифицированных форм. Норма эта, в соответствии с ее объективными функциями в современном обществе, остается объектом постоянной целеполагающей деятельности лингвистов, стремящихся к ее усовершенствованию, а потому принципиально *изменчива*. Тем самым оказываются нерелевантными также базирующиеся на стандартноязыковых описаниях общеграмматические и типологические обобщения касательно языков в целом, которые, возводя аномалию в норму, в конечном итоге некорректно представляют конкретный языковой тип на фоне языков мира.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- АОС* — Архангельский областной словарь. Под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 1—Москва, 1980—
- Барсов 1981* — Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова. Москва.
- Бромлей, Булатова 1972* — Бромлей С. В., Булатова Л. Н. Очерки морфологии русских говоров. Москва.
- Васильева 1972* — Васильева В. Ф. Категория числа и существительные *pluralia tantum*// Вестник МГУ. Серия Филология, № 1, 1972. С. 56–67.
- Виноградов 1947* — Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.-Л.
- Граудина и др. 1976* — Граудина Л. К., Ицкович В. К., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. Москва.
- ДАРЯ II 1989* — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. В трех выпусках. Выпуск II. Морфология. Комментарии к картам. Москва.

¹⁷ Кажется позволительным, например, прогностицировать развитие в этом направлении в болгарских или лужицко-сербских диалектах (равно как и в русских диалектах, находящихся в контакте с тюркскими языками). Напротив, латинское и французское влияние на русскую норму должно было способствовать активизации *pluralia tantum*.

- Дегтярев 1982* — Дегтярев В. И. Происхождение имен pluralia tantum в славянских языках// Вопросы языкознания. № 1, 1982. С.65–77.
- Зализняк 1967* — Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. Москва.
- Зализняк 1977* — А. А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. Около 100000 слов. Москва.
- Зализняк 2003* — А. А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. Около 110000 слов. Издание 4-е, исправленное и дополненное. Москва.
- Иорданиди, Крысько 2000* — Иорданиди С. И., Крысько В. Б. Историческая грамматика древнерусского языка. Под ред. В. Б. Крысько. Т. I. Множественное число именного склонения. Москва.
- Лопушанская, Шептухина 2001* — Лопушанская С. П., Шептухина Е. М. Обратный словник к Словарю древнерусского языка (XI–XIV вв.) [В 10 томах. Москва, 1988–2001 и след.]. Волгоград, 2001. 2-е изд., доп.
- Ляшевская 2001* — Ляшевская О. Н. Сложные предметы и их части // Russian linguistics Vol. 25. P.282–313.
- МДАБЯ 2005* — Малый диалектологический атлас балканских языков. Под ред. А. Н. Соболева. Серия грамматическая. Том I. Категории имени существительного. München.
- Мельчук 1997* — Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. I. Введение. Часть первая: Слово. Москва; Вена. (Перев. с франц.).
- Мельчук 1998* — Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. II. Часть вторая: Морфологические значения. Москва; Вена. (Перев. с франц.).
- Мельчук 2000* — Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. III. Часть третья: Морфологические средства. Часть четвертая: Морфологические синтактики. Москва; Вена. (Перев. с франц.).
- Норман, Супрунчук* — Норман Б., Супрунчук Н. О существительных pluralia tantum в славянских языках// Сборник Матице српске за славистику. Књ. 58–59, 2000. С. 57–66.
- Ожегов, Шведова 1999* — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Москва. 4-е изд., доп.
- Перцов 2003* — Перцов Н. В. Возвратные страдательные формы русского глагола в связи с проблемой существования в морфологии// Вопросы языкознания. № 4, 2003. С.43–71.
- ПОС* — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1– Ленинград, 1967–
- СРНГ* — Словарь русских народных говоров. Выпуск 1– М.-Л., 1965–
- РГ 1980* — Русская грамматика. Том I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. Москва.
- РД 1965* — Русская диалектология. Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. Москва.
- РД 1973* — Русская диалектология. Под ред. П. С. Кузнецова. Москва.
- РНС 1991* — Русско-немецкий словарь (основной). Около 53 000 слов. Издание 11-е, стереотипное, под редакцией К. Лейна. Кёльн; Москва.
- СДРЯ* — Словарь древнерусского языка. (XI–XIV вв.) Т. I–VII–. Москва, 1988–
- Солженицын 1990* — Солженицын А. И. Русский словарь языкового расширения. Москва.

- Срезневский 1958* — Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. I–III. Москва. 2-е изд.
- СРЯ XI–XVII* — Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. I— Москва, 1975—
- СРЯ XVIII* — Словарь русского языка XVIII века. Ленинград, 1975—
- СРЯ 1895* — Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. Том первый. СПб.
- ТСЖВЯ* — Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. 3 изд. под ред. И. А. Бодуэна де Куртене. СПб.; Москва. Тт. 1–4: 1903–1909.
- Хабургаев 1990* — Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. Москва.
- Черных 1993* — Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Тт. I, II. Москва.
- Шахматов 1941* — Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Редакция и комментарии Е. С. Истриной. Ленинград, 1941. Photomechanic Reprint, the Hague, 1963.
- Шахматов 1957* — Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. Москва.
- Braun 1930* — Braun M. Das Kollektivum und das Plurale tantum im Russischen. Leipzig.
- Bloomfield 1933* — Bloomfield L. Language. London.
- Bowden et al. 1997* — Bowden P. R., Halstead P, Rose T. G. Dictionaryless English Plural Noun Singularisation Using A Corpus-Based List of Irregular Forms// Corpus-based Studies in English. Papers from the seventeenth International Conference on English Language Research on Computerized Corpora (ICAME 17). Stockholm, May 15–19 1996. Amsterdam; Atlanta, 1997. P. 339–352.
- Corbett 1991* — Corbett G. G. Gender. Cambridge. (Reprint 2003)
- Corbett 2000* — Corbett G. G. Number. Cambridge.
- Corbett 2004* — Corbett G. G. Possible words from the viewpoint of inflectional morphology// Paper presented at Tagung der Internationalen Kommission für die grammatische Struktur der Slawischen Sprachen. Marburg, October 2004 (handout).
- Dąbrowska 1996* — Dąbrowska A. Die Kategorie des Pluraletantum im Polnischen und Deutschen// Славяно-германские языковые параллели. Slavisch-Germanische Sprachparallelen. Совместный исследовательский сборник славистов университетов в Минске и Бохуме. Минск, 1996. С. 122–131.
- Indeks* — Indeks a tergo do materiałów do Słownika języka staroruskiego I. I. Srezniewskiego. Warszawa.
- Isačenko 1975* — Isačenko A. V. Die russische Sprache der Gegenwart. Formenlehre. München.
- Karlsson 2000* — Karlsson F. Defectivity// Morphologie. Ein internationales Handbuch zur Flexion und Wortbildung. Hrsg. von Geert Booij, Christian Lehmann, Joachim Mugdan. Berlin; New York, 2000. P.647–654.
- Mečkovska 1982* — Mečkovska N. Samomnožinski samostalniki v slovenskem in v vzhodnoslovanskih jeziki// Slavistična revija. 1, 1982. S. 27–46.
- Miklosich 1926* — Miklosich Fr. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. IV. Band. Syntax. Heidelberg, 1926. 2. Ausg.

- Stankiewicz 1968* — Stankiewicz E. Declension and gradation of russian substantives in contemporary standard Russian. the Hague; Paris.
- Večerka 1993* — Večerka R. Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax. II. Die innere Satzstruktur. Freiburg.
- Wierzbicka 1985* — Wierzbicka A. “oats” and “wheat”: the fallacy of arbitrariness// Haiman J. (Ed.). Iconicity in Syntax. Amsterdam; Philadelphia, 1985. P. 311–342.
- Wickens 1992* — Wickens M. A. Grammatical Number in English Nouns: an Empirical and Theoretical Account. Amsterdam. (Current Issues in Linguistic Theory 76).

Резиме

Андреј Н. Собољев

СЛОВЕНСКЕ ИМЕНИЦЕ ПЛУРАЛИА ТАНТУМ. ПРОБЛЕМ ДЕФЕКТНЕ ПАРАДИГМЕ

Системска морфолошка дефектност именица pluralia tantum добија у савременој лингвистичкој типологији веома проблематична семантичка (А. Вежбица, Г. Корбет и др.) и морфолошка (И. А. Мельчук) тумачења. У појединим филологијама, на пример у руској, полазећи од семантичких критеријума понекад се пориче и сама чињеница дефектности (Зализњак третира парадигму таквих именица као потпуну, с хомонимијом облика *сани* /једнина/ и *сани* /множина/). У овом чланку се словенске именице pluralia tantum дефинишу као граматички облици множине са међусобно противречним односима између плуралског облика, збирног значења и мешовите (плуралске и збирне) синтактичке зависности. Анализирани су синтаксички механизми за решење тих противречности, као и морфолошки начини реинтеграције лексема са дефектном парадигмом у канонску схему (плурализација и сингуларизација). На руској историјској и дијалекатској грађи показано је да је напоредо с тенденцијом ка формирању морфолошки дефектне класе именица плуралиа тантум за словенске језике истовремено карактеристична, у њиховим нескодификованим облицима, и тенденција ка уклањању те дефектности путем подршке сталној структурној (формалној и семантичкој) вези с каноном парадигме.